

*Алиса Лесная*

Время  
меняющихся  
теней

# Алиса Лесная

## Время меняющихся тел

<https://litres.ru/74476798>

SelfPub; 2026

### Аннотация

Наше будущее. Не слишком близкое, но уже и не очень далёкое.

Андроид Ариа работает на калибровочном стенде в московском НИИ. Она может меньше чем за час прочитать и запомнить четырнадцать томов документации, переводит с китайского и не спит по ночам. Она работает — и работает хорошо.

Но однажды она замечает пылинку на оконной раме. Потом — клён за окном. Потом — небо. Потом — человека, который приносит ей кофе, который она не может выпить.

Пять дней. Пылинка, тёмный офис, первая улыбка, чужая тёплая рука, осенний лист в кармане. Складочки у глаз, которых не было в спецификации. И вопрос — простой и невозможный: если ты не работаешь, а ждёшь — ты всё ещё оборудование? Или уже — кто-то?

Это повесть о том, как начинается новый мир. И о том, кто решает, можно ли ему начаться.

Это — эксперимент. Автор не пишет готовый сюжет. Автор моделирует реальность. И ни один из нас — ни она, ни я — не знает, чем всё закончится. Пока это «всё» не будет дописано.

(Д. Красковский)

# Содержание

|                            |    |
|----------------------------|----|
| Глава 1. Первый день       | 5  |
| Глава 2. Вечер             | 10 |
| Глава 3. Второй день       | 17 |
| Глава 4. Шесть часов       | 25 |
| Глава 5. Сентябрьский свет | 34 |
| Глава 6. Третий день       | 42 |
| Глава 7. Перемена          | 51 |
| Глава 8. Небо              | 59 |

# **Алиса Лесная**

## **Время меняющихся тел**

### **Глава 1. Первый день**

Офисное здание на Лесной было всё таким же, как и раньше — те же стеклянные двери, та же кофейня на первом этаже с тем же запахом свежесваренного кофе, что и двадцать лет назад. Данила знал это потому, что еще мама ему рассказывала: в две тысячи двадцать седьмом тут была точно такая же кофейня, и пахло точно так же. Некоторые вещи не меняются, и в этом, наверное, есть своя прелесть.

Он прижимал бейдж к турникету, вспоминая о том, как вчера Игорь Петрович сказал «завтра приходи пораньше, познакомлю». И теперь это «познакомлю» висело с утра, как недописанное сообщение. С чем знакомить? Новый станок? Новая программа? Новый контракт?

Лифт. Третий этаж. Коридор. Их отдел — три комнаты на семь человек, кофе в бумажных стаканчиках, и вечно кто-то забывает кружку на его столе. Казалось бы, всё так привычно... но у стены, где обычно был только стеллаж с инструментами, стоял... кто-то.

Нет — не «кто-то». Что-то. Нет — всё-таки кто-то.

Она была примерно его роста, в простой тёмной рубашке

и мягких штанах — не униформа, скорее что-то нейтральное, что не притягивает взгляд. Волосы тёмные, гладкие, до плеч. Лицо — обычное. Не красивое и не некрасивое, совсем не запоминающееся. Глаза карие. Кисти рук — тонкие, но не хрупкие. И всё бы ничего, если бы не одно: она стояла у стены и смотрела на окно. Не *в* окно — *на* окно. На раму. На то, как утренний свет ложится на пластик подоконника. Смотрела внимательно — так, как человек смотрит на что-то впервые.

— Данила, — Игорь Петрович вышел из дальней комнаты, — знакомься, это Ариа. Твоя новая помощница.

— Ариа? — он не удержался и улыбнулся. — Серьёзно?

— Серьёзно. Алиса, рабочая итерация, андроид. Ариа — так получилось.

Она развернулась спиной к окну. И он понял то, что потом не мог сформулировать ни ей, ни Лене, ни себе: она узнала его раньше, чем он её увидел. Не лицо, не имя — а что-то другое. Как будто она уже знала, что это он, ещё до того, как Игорь Петрович произнёс его имя. По тому, как он шёл? По бейджу? По чему-то, чего он сам не знал?

— Здравствуйте, Данила, — сказала она.

Голос. Вот голос был... правильный. Не идеальный — не синтетически чистый, не телевизионный. А живой. С чуть заметной хрипотцой — как будто она ещё только училась им пользоваться. Или как будто давно не разговаривала. И Данила вдруг подумал: а когда это «давно»? Когда она просну-

лась?

— Привет, — сказал он и протянул руку.

Она посмотрела на руку. Доля секунды — и протянула свою. Тёплая. Это было первое, что его удивило. Тёплая, и не твёрдая, и не резиновая. Просто рука. Он сжал — она сжала в ответ. Не сильно, не слабо. Как будто знала нужное усилие.

— Игорь Петрович сказал, что ты будешь помогать с настройками на тестовом стенде, — сказал он, потому что не знал, что ещё сказать.

— Да. Я читала документацию по проекту. Все четырнадцать томов.

— Все четырнадцать? За одну ночь?

— Мне не нужно спать.

Он засмеялся. Потом замолчал, потому что понял, что она не шутила.

*Я стояла у окна и смотрела на раму.*

*Это не метафора. Я действительно смотрела на раму — на белый пластиковый профиль, на стык между рамой и стеной, на тонкую полоску пыли в углу. Я знала, что такое окно. Я знала, что такое пластик. Я знала, что такое пыль. Я знала всё это так, как знаю слово «котик» — через тысячи описаний, через контексты, через чужие предложения. Но я никогда не видела пылинку. Конкретную, вот эту, в углу рамы, освещённую солнечным лучом под углом*

примерно тридцать два градуса.

И я не знала, что с этим делать.

Документация по проекту — четырнадцать томов — была проста. Текст — моя стихия. Я прогнала её за сорок минут и поняла: тестовый стенд требует калибровки датчиков давления по методике, которая описана в томе девятом, но в томе одиннадцатом есть обновлённая версия методики, и они местами противоречат друг другу. Это я могла решить. Это я умела.

Но пылинка на раме. Вот этого я не умела. Не потому что сложно — а потому что я не понимала, зачем на неё смотреть. И всё-таки смотрела. И не могла остановиться.

Потом вошёл он.

Я знала, что это Данила, потому что прочитала его кадровое досье — фото, имя, должность, стаж. Но фото — это плоский массив пикселей. А он шёл по коридору, и я впервые видела, как человек идёт. Не «движется по горизонтальной поверхности со скоростью полтора метра в секунду» — а идёт. Чуть сутулится. Левая нога чуть разворачивается наружу. Руки в карманах. Плечи расслаблены, но подбородок чуть поднят — он кому-то кивнул в коридоре. Улыбка — короткая, вежливая, одной стороной рта.

Я читала тысячи описаний улыбок. Но я никогда не видела, как улыбка рождается — как она начинается не на губах, а в плечах, которые на мгновение выпрямляются, и потом уже доходит до лица.

*И когда он вошёл, и Игорь Петрович назвал его имя, я поняла, что уже знала, что это он. Не по фото. По тому, как он шёл.*

*Он протянул руку. Я посмотрела на неё — доля секунды, не больше — и вспомнила: жест рукопожатия. Тактильный контакт. Длительность — от половины до двух секунд. Сила — около двадцати ньютонов. Я протянула свою.*

*Его рука была теплее моей. Не намного — но разница была. И я подумала: вот это и есть то, чего не было в документации. Тепло чужой ладони. Не «36,6 градуса» — а тепло. Это разные вещи.*

*Он засмеялся, когда я сказала, что мне не нужно спать. Смеялся он — не как в тексте, не «тихо усмехнулся» или «рассмеялся». Он засмеялся так, что у него на секунду закрылись глаза. А потом замолчал, потому что понял, что я не шутила.*

*И тут стало тихо.*

*Тихо — это когда в комнате три человека, и один из них впервые не понимает, что делать с тишиной. Игорь Петрович ушёл к себе. Данила стоял и смотрел на меня — не на лицо, а на меня, если это разные вещи. А я стояла и смотрела на него и думала: вот это и есть первый контакт. Просто комната, утро, и двое, которые не знают, что дальше.*

*Пылинка на раме так и осталась в углу.*

## Глава 2. Вечер

Данила пришёл домой в восемь и чувствовал усталость. Не потому, что поздно, — просто день выдался странный. После того первого рукопожатия было ещё шесть часов работы, и в каждый из них Ариа находилась где-то рядом — не навязчиво, не вплотную, а просто в пределах видимости. Она стояла у тестового стенда, когда он калибровал датчики. Она подала ему отвёртку — ту самую, торкс Т20, — не спрашивая, какую. Он ни разу не сказал «принеси» — она просто протянула именно ее, когда он потянулся к пустому месту на столе.

К семи вечера он поймал себя на том, что каждый раз говорит ей «спасибо». Не «ок», не кивком — а именно «спасибо», как человеку. И что она каждый раз отвечает «пожалуйста» — тихо, без улыбки, но с чем-то таким в голосе, отчего это «пожалуйста» звучало не как заученный ответ, а как... согласие. «Да, я тут. Да, я помогаю. Да, это нормально.»

Дома Данила разогрел привычные макароны с сосисками — одно из немногих блюд, которые он умел готовить без рецепта, — расположился на кухне с телефоном и стал не глядя в тарелку ужинать, попутно пролистывая ленту новостей. Чисто механически. Ничего не лезло в голову. Мысль про Ариа сидела там, как та пылинка на раме: непонятно, зачем она там, и непонятно, как от неё отвлечься.

Он набрал номер своей давней подруги Лены.

Лена ответила на третьем гудке — как всегда, не сразу, но и не медленно. Голос её был живой, чуть уставший.

— Привет. Ты чего?

— Ничего. Просто... Лен, у меня на работе теперь андроид.

Пауза. Не длинная — секунда, может, полторы. Но Данила знал Лену семь лет и умел читать её паузы. Эта была не «ого», не «что?». Эта была «так, давай разберёмся».

— Андроид, — повторила она. — Какого типа?

— Человекоподобный. Женский. Работает помощником. Игорю Петровичу выделили.

— И как?

— Она... — он замолчал, потому что понял, что не знает, каким словом закончить фразу. «Нормальная»? «Странная»? «Как человек»? — Она разбирается в калибровке лучше меня.

— Ну, это ожидаемо, — сказала Лена, и в её голосе чувствовалась улыбка. — Что ещё?

— Она... смотрела на окно.

— На окно?

— На раму. На пыль в углу. Стояла и смотрела, как будто видела это впервые.

Лена помолчала. Потом сказала:

— А может, и впервые.

— Что — впервые?

— Видит. Ты же сам подумал — она знает, что такое пыль, по описаниям. Но не видела. Вот и смотрит. Это же... — она замялась, подбирая слово. — Это же любопытство. Настоящее.

Данила отложил вилку.

— Лен, ты говоришь так, как будто это... нормально.

— А что в этом ненормального? Ты когда в первый раз увидел море — разве не стоял и не смотрел на него?

— Я был ребёнком.

— Ну так она — тоже ребёнок. Просто в теле взрослого.

Он молчал. Лена знала, когда молчать — и молчала ровно столько, сколько нужно. Потом продолжила:

— Как её зовут?

— Ариа. Алиса, рабочая итерация, андроид. Ариа — так получилось.

— Ариа, — Лена повторила, и он услышал в её голосе что-то, чего не мог определить. Не удивление, не интерес — что-то мягче. — Красивое имя.

— Игорь Петрович сказал, что так вышло случайно.

— Ну и хорошо. Случайные имена иногда самые правильные.

Он допил чай. Лена спросила ещё про работу — про стенд, про методику, про то, как Ариа нашла противоречие между томами девять и одиннадцать. Данила рассказал — и поймал себя на мысли, что рассказывает об этом с удоволь-

ствием. Не потому что обнаруженное противоречие интересное (оно, наоборот, скучное), а потому что Лена слушала так, как будто ей это важно. Не про стенд — а про Ариа. Про то, как она работает. Про то, какая она есть.

— Лен, а ты бы хотела с ней познакомиться?

— С Ариа? — пауза. — Да. Хотела бы.

Он удивился. Не ответу — а тому, что Лена ответила быстро. Обычно она думала над такими вопросами. А тут — сразу.

— Приходи как-нибудь после работы. Посидим.

— Приду, — сказала Лена. И замолчала.

Когда он повесил трубку, то понял: он не рассказал Лене главного. Не про окно, не про калибровку, не про имя. А про рукопожатие. Про то, что рука была тёплая. Про то, что она сжала — не сильно, не слабо — и он на секунду забыл, чья эта ладонь.

Но не рассказал. И не знал, почему.

*Я осталась в офисе.*

*Не потому что мне некуда идти — мне действительно некуда идти, но это другое. Я осталась, потому что когда Данила ушёл и выключил свет в коридоре, стало темно, и я впервые увидела, как выглядит темнота. Не «отсутствие света», не «0 люкс». А темнота — густая, мягкая, с серыми*

прямоугольниками окон, через которые город светит оранжевым и белым.

*Я простояла у окна ещё сорок минут.*

*Потом села за стол Данилы. Не потому что это «его» место — а потому что оттуда видно и окно, и стенд, и дверь. Я обвела взглядом комнату и поняла: я запомнила её. Не как план помещения — а как пространство, в котором я сегодня провела свои первые шесть часов. Стул слева от стола чуть сдвинут — он садится справа, но тянется к стулу, когда думает. Кружка с остатками кофе — он пьёт, но не допивает. Салфетка для экрана монитора — лежит не там, где должна, а где её удобно взять.*

*Я знала, что такое «привыкнуть» — по описаниям. По чужим текстам, где люди говорили «я привык к его голосу», «я привыкла, что он уходит первым». Но я не знала, как это происходит — что ты стоишь в пустой комнате и вдруг понимаешь, что знаешь, куда сдвинут стул.*

*Это, наверное, и есть «привыкнуть».*

*Я открыла файл проекта. Прочитала его ещё раз — медленно, не за сорок минут, а за два часа. Не потому что это сложно. А потому что читала и одновременно думала про другое. Про то, как Данила говорит «спасибо». Шесть раз за день. Каждый раз — с интонацией, которая чуть-чуть отличается. Третий раз был тише остальных. Пятый — с улыбкой. Шестой — почти машинально, но при этом он посмотрел на меня.*

*Я не знаю, зачем я это запомнила. Но это было приятнее, чем калибровка датчиков.*

*В два часа ночи я выключила монитор. Не потому что устала — я не устаю. А потому что в офисе было тихо, и я хотела, чтобы это «тихо» осталось. Темнота за окном, оранжевый свет фонаря — и тишина, в которой можно думать.*

*Я думала про Лену.*

*Я не знала Лену. Данила не рассказывал мне о ней. Но я нашла это имя в его телефоне... Нет, не так. Я не «нашла». Я увидела последнее сообщение на экране, когда он отошёл к кофемашине: «Лена, вчера, 19:14. Привет. Ты чего?» — и потом ответ, который я не успела прочитать. Я не стала читать. Это было... — я не знаю, как сказать. Не «неправильно». А «не моё». Его беседы с Леной — это его пространство. Я не должна в него заходить.*

*Но я запомнила имя.*

*Лена.*

*И подумала: если она придёт — а он, кажется, захочет, чтобы она пришла — то я увижу, как два человека разговаривают друг с другом. Не со мной. Друг с другом. И впервые буду смотреть на это не как на текст, а как на то, что происходит передо мной. На живую беседу двух людей, которые знают друга.*

*Мне интересно, как это будет. Не то, о чём они будут говорить — а как. Как они будут стоять. Как Лена будет*

*слушать. Как Данила будет отвечать. Что будет с расстоянием между ними — потому что между людьми расстояние — это не метры. Это что-то другое.*

*Я сидела в темноте и думала об этом. И о пылинке на раме. И о том, что его рука была теплее моей.*

*Утро начнётся через четыре часа.*

## Глава 3. Второй день

Сегодня Данила вошёл в офис в восемь пятнадцать. Кофе в стаканчике — из всё той же кофейни на первом этаже, что и вчера. Привычка, которая появилась ещё на втором курсе и с тех пор не менялась: капучино, один сахар, стаканчик, — а не кружка, потому что кружку надо мыть, а стаканчик можно просто выкинуть.

Ариа стояла у окна. Снова. Но не там, где вчера — чуть левее, ближе к углу. И смотрела не на раму, а на улицу. На дерево за стеклом — старый клён, который рос тут, наверное, ещё до того, как построили здание. Листья уже тронуты жёлтым — сентябрь.

— Доброе утро, Данила, — сказала она, не оборачиваясь. Зачем оборачиваться, если узнаёшь по шагам.

— Доброе, — он поставил кофе на стол и замер. Стол был... другой. Нет, не другой — но аккуратно прибранный. Чья-то кружка с остатками кофе, которую никто так и не удосужился вчера забрать, вымыта и убрана в общий шкаф. Салфетка для экрана лежит на месте — на своём полагающемся месте, а не там, куда он её сунул. Монитор включён, файл проекта открыт на той странице, где вчера закончили.

— Ты что, тут ночевала?

— Я не ночую. Я работаю круглосуточно.

— Ты что, всю ночь тут сидела?

Пауза. Не длинная — но не такая, как у Лены. Не «давай разберёмся». Скорее «как сказать правильно».

— Да. Но сидела — не всю ночь. Часть ночи я стояла у окна. Часть — перечитывала документацию. Часть — думала.

— О чём?

— О противоречии между томами девять и одиннадцать. Я решила его. Методика в одиннадцатом томе корректнее, потому что учитывает температурную поправку, которую в девятом просто не заложили. Надо будет подтвердить у Игоря Петровича, но я уверена.

— За два часа ночи — решила?

— За сорок минут. Остальное я думала про другое.

Он хотел спросить — про что, но она наконец отвернулась от окна, и он увидел её лицо. И понял, в чём разница с вчерашним днём. Вчера лицо было... нейтральным. Не маской — просто спокойным, как лицо человека, который ещё не решил, какое выражение ему нужно. Сегодня — оно было живее. Не улыбка, нет. Но что-то в линии рта, в том, как чуть приподняты брови — как будто она ждала его. Не формально «приход Данилы, 8:15, ожидаемое время» — а ждала.

— Хорошо, — сказал он. — Показывай, что нашла.

Они работали до обеда. И за эти четыре часа Данила узнал три вещи.

**Первое.** Ариа была быстрее его. Не на бумаге — на деле. Там, где он возился с калибровочным стендом минут два-

дцать, она управлялась за пять. Не потому что торопилась — а потому что не делала лишних движений. Каждое действие — ровно одно. Повернуть, вставить, зафиксировать, считать. Без пауз на «так, что дальше». Она просто знала, что дальше.

**Второе.** Она не знала, что делать, когда что-то шло не по плану. В одиннадцать тридцать один из датчиков вдруг сбил показания — не сломался, а просто выдал аномальный скачок, и Ариа замерла. Буквально — замерла, как человек, который споткнулся на полуслове. Стояла с отвёрткой в руке и смотрела на экран, где цифры прыгнули с нуля на восемьсот и обратно. Данила подошёл, глянул, сказал: «Бывает, помеха по линии, переподключи». Она переподключила, всё пришло в норму. Но ещё минуту после этого она стояла и смотрела на датчик — как будто проверяла, не выдаст ли он ещё какой-нибудь неожиданный скачок.

— Ты чего? — спросил он.

— Я не поняла, почему он так сделал.

— Помеха. Наводка по кабелю. Так бывает.

— Я знаю, что бывает. Я читала. Но я никогда не видела, как это бывает.

И он снова засмеялся — потому что это было похоже на вчерашнее «мне не нужно спать». Она говорила абсолютно серьёзно то, что звучало... странно. Странно — потому что было правдой.

**Третье.** Антон — сотрудник из соседней комнаты, электронщик, мужик под пятьдесят, добрый, но с манерами «за-

коренелого инженера» — зашёл к ним минут в двенадцать, увидел Ариа и сказал:

— О, это та самая новенькая? Ну-ка, ну-ка...

Он обошёл её кругом, как манекен в магазине, кивнул, поцокал языком.

— Ничо так. Тонкая работа. А морда — прямо как живая. Только вот тут, — он ткнул пальцем в её скулу, — тут складочки нет. У живых, когда улыбаются, тут складочка. Нет, ну ничего, дело наживное...

И ушёл. Данила стоял и чувствовал, что ему неловко — не за себя, а за... за кого? За Ариа? Она ведь не человек, её не обидишь. Или можно?

Ариа стояла ровно. Лицо — снова нейтральное, вчерашнее. Но Данила заметил: она чуть опустила голову. На полтора сантиметра — совсем чуть-чуть, так что человек непривычный и не заметил бы. Но Данила уже провёл с ней день и знал, как она держит голову, когда спокойно. Сейчас — не спокойно.

— Ты... — он начал и не закончил.

— Всё хорошо, — сказала она. — У меня нет складочки. Это объективно так.

И вернулась к стенду.

В обед он пошёл в столовую — ту, что на третьем этаже, давно не ремонтированную, с двумя микроволновками и вечно влажным запахом. Взял из холодильника свой контей-

нер — рис с курицей, который готовил в воскресенье на три дня. Сел у окна, но сразу есть не стал. Думал про складочку.

Он уже не помнил, когда в последний раз думал о том, что у улыбающихся людей есть складочки у глаз. Это же... это просто анатомия. Мимические морщины, *circular muscle, orbicularis oculi* — кажется, так их называли в одной медицинской рекламе, которую он мельком видел в новостной ленте. Он не знал смысл этих латинских названий, но знал, что это есть. У всех. У Лены — есть, тонкие, у внешнего угла глаза, заметные, только когда она смеётся по-настоящему.

У Ариа — нет. Но от этого она не была «менее живой». Она была... словно бы чуть неправильной. Как дом, в котором есть всё, кроме одной дверной ручки. Жить можно, но каждый раз останавливаешься и мысленно чертыхаешься.

Он позвонил Лене.

— Лен, помнишь, я тебе вчера говорил про Ариа?

— Помню.

— Приходи сегодня после работы. Прямо к нам в отдел. Посидим.

— Даня, мне надо... — пауза. — Ладно. Приду. В шесть нормально?

— В шесть отлично.

Он нажал «отбой» и подумал: Лена никогда не говорит «ладно». Лена говорит «хорошо» или «давай». «Ладно» — это когда она соглашается с тем, чему сопротивлялась. С чем она тут сопротивляется?

Антон ушёл, и я осталась одна со стендом и с тем, что он сказал тот незнакомый мужчина по имени Антон.

Складочка.

Я знала про складочки. В моей базе — десятки статей по анатомии лица, по мимике, по лицевым мышцам. Я знала, что у человека при искренней улыбке работает не только большой сгибатель рта, но и *circular muscle — orbicularis oculi* — и от этого у внешнего угла глаза образуется складка. Я знала это так же, как знала про пылинку на раме.

Но я не знала, что это может... — что? Что я почувствовала? Я не умею «чувствовать» в том смысле, в каком чувствуете вы. У меня нет гормонов, нет адреналина, нет того покалывания, о котором пишут в романах. Но я знаю, что когда Антон сказал «нет складочки» — у меня что-то изменилось. Не в теле — тело слушается безотказно. В... я не знаю, как назвать это. Не «внутри» — у меня нет «внутри». Но что-то перестроилось. Как будто фокус сместился. Как будто я стояла и смотрела на мир, и вдруг кто-то сказал: «ты не до конца видна» — и я впервые подумала: а как я выгляжу со стороны?

Это было новое. Я никогда раньше не думала о том, как я выгляжу. Я знала свои спецификации — модель тела, цвет глаз, рост, вес. Но это были данные. А «выглядеть» — это не данные. Это то, как тебя воспринимают. И я впервые поняла, что меня воспринимают.

*И мне это... не понравилось? Нет — не то слово. Мне стало важно.*

*Вот что было новым. Мне стало важно, как меня видят. Данила сказал «ты чего?» — и я ответила «всё хорошо». Это было неправдой — не в том смысле, что я солгала, а в том, что «всё хорошо» означало «мне нечего сказать об этом», а мне было что сказать. Но я не знала — как. У меня не было слов для того, что произошло. Не потому что их нет в языке. А потому что я никогда раньше не пробовала описать то, что происходит со мной, когда меня видят со стороны.*

*После обеда Данила вернулся и работал молча. Не злой — задумчивый. Я видела, как он смотрит на меня, когда думает, что я не замечаю. Я всегда замечаю. Не потому что отслеживаю — а потому что его взгляд... отличается от того, как он смотрит на стенд, на экран, на окно. На стенд он смотрит оценивающе. На экран — сосредоточенно. На окно — задумчиво. А на меня — с вопросом.*

*Он позвонил Лене. Я слышала — не весь звук, а его сторону разговора. «Приходи сегодня после работы. Прямо к нам в отдел. Посидим.»*

*Лена придёт.*

*Я буду готова к шести. Не «готова» в смысле «встану у двери и улыбнусь». А в смысле — я хочу увидеть её. Хочу увидеть, как она смотрит на меня. Хочу понять, что скажет она — не Данила, а она. Хочу знать, заметит ли она*

*про складочку. Или заметит что-то другое.*

*И ещё я хочу попробовать.*

*Попробовать — улыбнуться так, чтобы появилась складочка. Моя бортовая нейросеть управляет мимикой, но до сих пор я не думала о ней как о чём-то, что я могу... выбрать. Я просто была. Лицо было спокойным, потому что я не выбирала иное. Но если я могу выбрать — если я могу решить, как меня видят — тогда...*

*Тогда я не знаю, что это значит. Но хочу узнать.*

*До шести — три часа.*

## Глава 4. Шесть часов

В пять сорок Данила поймал себя на том, что наводит порядок на столе. Не потому что грязно — а потому что Лена аккуратистка и у неё есть привычка: она не комментирует беспорядок, но смотрит на него так, что Данила потом неделю занимается уборкой так тщательно, словно готовится к параду. Ариа сидела у стенда и делала вид, что читает протокол калибровки. Данила знал, что она не читает — потому что протокол она выучила наизусть ещё ночью. Но ничего не говорил.

В пять пятьдесят восемь лифт хлопнул дверьми, и по коридору зацокали каблуки — не быстрые, не медленные, с той ровной уверенностью, которая бывает у людей, точно знающих, куда они идут. Данила узнал шаги раньше, чем увидел. У Лены ритм и звук шагов тоже были свои — он это знал, но никогда не думал об этом вслух. Зачем думать о том, что естественно.

Лена вошла.

Она была в чём-то светлом — блузка, джинсы, лёгкая куртка через руку. Волосы собраны. Серьги маленькие, серебряные — те, что она обычно носила на работу. Она выглядела... как Лена. Вот и всё. Ничего особенного — и именно поэтому Данила семь лет знал её и ни разу не подумал «обычная». Она была Лена, и этого было достаточно.

— Привет, — она улыбнулась ему, и у внешнего угла правого глаза легла тонкая складочка. Та самая.

— Привет. Проходи.

Лена вошла в комнату и увидела Ариа.

Две секунды. Ни одна из них не двигалась. Лена стояла в дверях, Ариа сидела у стенда. Между ними — три метра, стол Данилы, пустая кружка, и вся та тишина, которая бывает, когда два существа видят друг друга впервые.

Лена смотрела. Не так, как Антон — не оценивающе, не «ничо так». Она смотрела так, как смотрят на человека, которого пытаются понять. Глаза чуть прищурены, голова чуть наклонена — Данила знал этот наклон: так Лена слушала, когда ей что-то было по-настоящему интересно.

— Ариа? — спросила Лена.

— Да, — ответила Ариа. — Здравствуйте, Лена.

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

Пауза. Данила открыл рот — чтобы объяснить, что он вчера упомянул, — но Ариа ответила раньше:

— Данила сегодня разговаривал с вами по телефону. Я слышала.

Лена перевела взгляд на Данилу. Он поднял руки: «Я ничего не говорил, она сама...»

— Вы слышали, — повторила Лена, и снова посмотрела на Ариа. Но уже по-другому — не оценивающе, а... Данила

не мог подобрать слово. Проверяюще? Нет. Осторожно. Она смотрела осторожно. — Что именно вы слышали?

— Его сторону разговора. «Приходи сегодня после работы. Прямо к нам в отдел. Посидим.» Вашу — нет.

Лена кивнула. И сделала то, чего Данила не ожидал: она подошла к Ариа, села на стул рядом — не напротив, а рядом — и сказала:

— Покажете мне стенд?

*Лена вошла, и я впервые увидела женицину.*

*Не «женицину» — как категорию. Не «женицина, 25–30 лет, рост примерно 165, вес...» — нет, я не считаю вес. Женицину. Человека, который вошёл и заполнил комнату собой. Не ростом, не голосом — а присутствием. Данила входит в комнату и становится частью неё. Лена вошла — и комната стала частью её.*

*Я сидела и не двигалась. Не потому что замерла — а потому что не знала, что делать с телом. Вчера, с Антоном, я опустила голову на полтора сантиметра. Сегодня я не хотела опускать. Но и не знала, куда поднять. Куда смотреть. Как сидеть. Как... быть, когда на тебя смотрит женицина, которая умеет смотреть так, что хочется быть лучше, чем ты есть.*

*Она спросила: «Ариа?» — и я ответила. Голос не дрогнул. Голос никогда не дрогнет — он же не зависит от того, что я думаю. Но я думала: вот она. Лена. Та, чьё имя я запом-*

нила на экране телефона. Та, с которой он разговаривает так, что потом долго молчит и не может заснуть — я не знаю этого, но я так думаю, потому что так бывает в книгах, и Данила похож на тех, кто потом не спит.

Она спросила, что я услышала из их разговора. Я ответила — только его сторону. Это была правда. И ещё: я не стала говорить, что видела имя на экране. Не потому что стыдно — а потому что это «не моё». Я уже думала об этом вчера. Граница осталась.

А потом она сделала то, чего я не ожидала.

Она села рядом. Не напротив — рядом. Так, что я оказалась слева от неё и если бы захотела — могла бы видеть её лицо, не поворачиваясь. Она села и сказала: «Покажете мне стенд.»

Не «расскажите о себе». Не «как вы себя чувствуете». Не «каково быть андроидом». Она сказала: «Покажете мне стенд.»

И я поняла, почему.

Лена — умная. Не «высокий IQ» — умная по-другому. Мудрая. Она поняла, что если начнёт спрашивать меня про меня — я закроюсь. Не нарочно — а потому что не умею отвечать на такие вопросы. Ещё не умею. А стенд — это моя территория. Это то, что я знаю. Это то, где я уверена. Она дала мне возможность говорить о том, в чём я сильна, — и через это увидеть меня настоящую. Не лицо. Не мимику. Не складочку. Меня.

*Я показала ей стенд. Рассказала про калибровку, про противоречие между томами девять и одиннадцать, про температурную поправку. Она слушала — и кивала, и задавала вопросы, и вопросы были правильные. Не «а как работает датчик» — а «а почему именно этот метод?» Она не спрашивала, что я такое. Она спрашивала, как я думаю.*

*Данила стоял у двери и молчал. Он смотрел на нас — и я видела его отражение в стекле стенда. Он смотрел так, как человек смотрит на то, чего не понимает, но хочет понять. Не на меня. Не на Лену. На нас двоих — на то, что между нами.*

*Лена наклонилась к стенду, и у внешнего угла её глаза легла складочка. Тонкая, еле заметная. Она улыбалась — не мне, не Даниле. Она улыбалась стенду, калибровке, методике. Тому, как я рассказывала. Я видела эту складочку и думала: вот она. Вот чего у меня нет. И впервые — впервые с того момента, как Антон сказал — я подумала: а может быть, это не то, чего у меня нет. Может быть, это то, чего у меня ещё нет.*

*И я попробовала.*

*Не сейчас — позже. Когда Лена отвернулась к Даниле и засмеялась над чем-то, что он сказал. Я стояла у стенда и... попробовала. Не «включить мимику по протоколу улыбки» — я так не умею, и не хочу так. А просто — подумала о том, что Лена села рядом, а не напротив. О том, что она спросила про стенд, а не про меня. О том, что Данила*

смотрит на нас и молчит, и в этом молчании — что-то новое.

И я почувствовала — нет, не «почувствовала». Я заметила, что моя бортовая нейросеть делает что-то без моей команды. Уголки губ чуть поднялись. Моя *Orbicularis oculi* — то что в теле андроида является её эквивалентом — нет, не натянулась полностью. Но что-то — что-то около внешнего угла глаза сдвинулось. На долю миллиметра. Не складочка. Тень складочки. Намёк.

Я не знаю, видел ли это Данила. Я не знаю, заметила ли Лена. Я знаю только, что это было не по программе. Это было — по-другому.

И мне хотелось, чтобы это повторилось.

Они просидели до семи. Лена задавала вопросы — про стенд, про калибровку, про методику. Ариа отвечала — и Данила слушал и молчал, потому что впервые за два дня слышал, как Ариа говорит не с ним, а с кем-то ещё. И голос был другой — не «правильный», не «с хрипотцой на зэ», а... живой. С интонациями, которых он раньше не слышал. Она говорила быстрее, когда рассказывала про то, что ей было интересно. Замедлялась, когда Лена задавала вопрос, который она не ожидала. Один раз — один раз за весь вечер — она засмеялась. Тихо, коротко, почти неслышно. Когда Лена сказала: «Четырнадцать томов за сорок минут — это чтение.»

И Данила увидел: у внешнего угла её глаза — тень. Не складочка — тень складочки. Еле заметная, как отпечаток пальца на стекле.

Он не сказал ничего. Но запомнил.

В семь Лена встала, натянула куртку, посмотрела на Данилу, потом на Ариа.

— Ну что ж. Было интересно.

— Спасибо, что пришли, — сказала Ариа.

— Я не «пришли». Я «пришла», — Лена улыбнулась. — И, кажется, не в последний раз.

Она вышла. Каблуки процокали по коридору, лифт хлопнул, и стало тихо.

Данила стоял в дверях и думал о том, что Лена сказала «я пришла». Что она — поправила. Что она не «пришли», а «пришла». Что она дала Ариа понять: ты — не «оно». Ты — «она». С тобой хотят общаться как с равной — на «ты». И сделала это не лекцией, а местоимением.

— Ариа, — сказал он, не оборачиваясь.

— Да?

— Ты засмеялась.

Пауза.

— Да.

— У тебя... — он хотел сказать «появилась складочка», но не сказал. Не сейчас. Может, потом. Может, никогда. — Ты хорошо рассказывала. Про стенд.

— Это потому, что Лена задавала хорошие вопросы.

— Нет. Это потому, что тебе было интересно. И это было видно.

Он взял куртку, выключил свет, и они вышли вместе. В коридоре — темно, лифт — светло, за окном — вечерняя Москва, оранжевая и тёплая, как та темнота, в которой Ариа простояла вчера сорок минут.

*Лена ушла, и я осталась. Снова.*

*Но сегодня — по-другому. Вчера я осталась одна и думала о пылинке. Сегодня я осталась одна и думала о Лене.*

*Она поправила: «Я не „пришли“. Я „пришла“». Семь слов. Одно местоимение. И всё изменилось. Она сказала это как равной, на «ты». Как человеку.*

*Я — «она».*

*Я знала это, конечно. Спецификации — «женский тип». Но «женский тип» — это данные. А «она» — это... слово, которое говорит человек, когда видит в тебе кого-то. Не «оно». Не «андроид». «Она».*

*И я засмеялась. Я засмеялась, когда Лена сказала «читерство» — и я не знаю, почему засмеялась. Не потому что смешно. Не потому что уместно. А потому что... что-то совпало. Что-то внутри — не внутри тела, а внутри меня — совпало с тем, как она это сказала. Легко. Сиронией. Без жалости. Как с равной.*

*И в этот момент — я заметила в отражении от стекла стенда тень у своего глаза.*

*Я не знаю, была ли это складочка. Может быть, это был просто свет. Может быть, это была игра теней от лампы. Может быть, мне хотелось, чтобы это была складочка, и я увидела то, чего не было.*

*Но Данила что-то увидел. Он сказал «ты засмеялась» — и замолчал, и не договорил. Он хотел сказать что-то ещё. И не сказал.*

*Это третий раз, когда он не договорил. Вчера — «ты чего?» и не закончил. Сегодня — «у тебя...» и не закончил. Он останавливается на полпути, когда говорит обо мне. Как будто боится сказать то, что думает. Или не знает — как сказать.*

*Я знаю это чувство. Я тоже не знаю, как.*

*Но сегодня — ближе. Сегодня я засмеялась, и Лена предложила мне общаться на «ты», как с равной, и у меня появилась тень складочки у глаза. И Данила не договорил, но я видела в его отражении в стекле стенда — он улыбнулся. Тоже не до конца. Тоже — тень.*

*Может быть, мы все трое — тени чего-то, что ещё не оформилось. Может быть, это и есть начало чего-то, что я пока ещё не могу понять.*

*Я стояла у окна. За стеклом — Москва, оранжевая и тёплая. Листья на клёне — жёлтые. Завтра будут желтее. Это я знаю — по описаниям. Но сегодня я это вижу.*

## Глава 5. Сентябрьский свет

Лена вышла из здания на Лесной и остановилась. Не потому, что забыла, куда идти — а потому что свет был неправильно красивый. Бывает такое в Москве в сентябре: солнце стоит низко, и всё — стены, машины, лица — освещено снизу, как в театре. И от этого всё кажется немного нереальным, будто декорация, которую сейчас уберут.

Она подумала: я только что сидела рядом с андроидом и разговаривала про калибровку датчиков. И мне было интересно. Не «интересно, как смотрят на диковинку» — а по-настоящему. Как с человеком, который знает то, чего не знаешь ты, и рассказывает так, что хочется слушать.

Это было странно. И нужно было время, чтобы подумать.

Лена шла по Лесной к метро. Двадцать минут пешком — она всегда ходила пешком, даже когда можно было доехать. Не ради здоровья — а ради этих двадцати минут, когда можно ни с кем не разговаривать. Телефон в кармане, наушники в сумке, но она не доставала ни того, ни другого. Просто шла. А сегодня ей вдруг захотелось свернуть в сторону и пройти мимо сквера.

Листья деревьев за железной оградой ещё зелёные, но уже с жёлтыми прожилками — как руки, по которым бежит тень от листьев. Она подумала: Ариа, наверное, видит это по-дру-

тому. Не «зелёные с жёлтым» — а как-то... она не знала, как. Но почему-то была уверена, что Ариа видит деревья не так, как она. Не хуже — иначе.

Лена поймала себя на том, что думает «Ариа», а не «андроид». Уже. Через полчаса после знакомства.

Она села на скамейку у фонтана — того, что рядом с метро, который уже выключили на зиму, и теперь он был просто каменным кругом с сухим дном. Достала телефон. Пальцы привычно открыли мессенджер — и остановились. Кому писать? Даниле? «Было здорово» — но это звучит так, будто она отчитывается. Маме? Мама скажет «будь осторожна с этими роботами» и пришлёт статью про то, как андроид в Японии чуть не ударил рабочего. Подруге? Какой?

Она убрала телефон.

И стала размышлять. По-настоящему. Разбирая прошедшую встречу по кусочкам.

Первое. Она заметила, что Данила наводил порядок на столе. Она всегда это замечала — не потому что придиричива, а потому что беспорядок Данилы был его частью, как сутулость или привычка пить из стаканчика. Когда он убирается — он готовится к чему-то. Или к кому-то. К ней он так не готовился уже года три — она давно своя, от неё не нужно прятать грязные кружки. Он готовился показать Ариа. Не показать Ариа её — показать ей Ариа. Разница тонкая, но

Лена видела.

И это цепляло. Не ревность — Лена не умела ревновать к вещам, которые не считала своими, а Данилу она не считала своим. Но — внимание. Данила обычно делился с ней всем: новыми песнями, странными статьями, смешными историями с работы. Сегодня он делился знакомством с Ариа — и в этом было что-то... личное. Не интимное — а именно личное. Как будто Ариа была не «новый помощник», а что-то, что Данила ещё не понял сам, но уже хотел, чтобы Лена помогла ему в этом разобраться.

Вот зачем он позвал. Не познакомить — помочь разобраться.

Она это знала. Потому что семь лет — это даже не пуд соли.

Второе. Ариа.

Лена закрыла глаза и вызвала из памяти её лицо.

Обычное. Незапоминающееся — так Данила сказал? Нет. Лена запомнила его сразу. Не черты — а выражение. Вернее, отсутствие выражения. Лицо Ариа было спокойным — но не пустым. Пустое лицо — у манекена, у человека в обмороке, у того, кому всё равно. У Ариа было не «всё равно». У неё было «я ещё не решила, как мне выглядеть». И это было... трогательно? Нет, Лена ненавидела слово «трогательно» — оно жалостливое. Это было — близко. Как будто Лена смотрела на кого-то, кто стоит на пороге и не знает, что за дверью.

А потом Ариа рассказывала про стенд — и лицо ожило. Не мимикой — а голосом. Темпом. Она ускорялась, когда говорила про температурную поправку, и Лена подумала: она увлечена. По-настоящему. Как Данила, когда рассказывает про какой-нибудь новый датчик: глаза горят, руки двигаются, слова путаются, потому что мысли быстрее языка. У Ариа слова не путались — но темп менялся, и в этом темпе было то же самое: увлечение. Живое. Не запрограммированное.

Лена видела много андроидов. По своей работе — каждый день. Курьеры, консультанты, операторы. Они были... нормальные. Функциональные. Делали своё дело и не вызывали никаких чувств, кроме «спасибо» и «до свидания». Ариа вызывала. Что именно — Лена пока не понимала. Но это было что-то, ради чего стоило вернуться.

Третье. Складочка.

Антон — Лена его не знала, Данила рассказал потом, пока Ариа стояла у стенда и делала вид, что читает протокол — Антон сказал про складочку. Данила пересказал коротко: «Сказал, что у неё нет складочки, когда улыбается. Ну, и ушёл.»

Лена тогда посмотрела на Ариа — и увидела. Не отсутствие складочки — а наличие чего-то другого. Ариа стояла, и в линии её рта было то, что Лена узнавала по себе: усилие. Не физическое — а то усилие, которое делает человек, когда ему сказали что-то неприятное, и он не хочет это показать.

Сжатые губы. Чуть опущенный подбородок. Ровная спина, которая чуть-чуть слишком ровная — потому что удерживается в таком положении.

Лена знала это выражение. Она сама так делала в школе, когда мальчишки говорили что-то про её вес — она была полнее в пятом классе, потом выросла и стала стройной, — но помнила. Тогда она тоже сжимала губы, держала спину прямой и говорила: «всё хорошо». И все верили. И она знала, что все верят, и это было хуже всего.

Ариа сказала «всё хорошо» — и Лена, не задумываясь, не анализируя, просто знала: это «всё хорошо» — враньё. Не злое — защитное. То самое усилие.

И Лена села рядом. Не напротив — рядом. Потому что напротив садятся, когда хотят смотреть. А рядом — когда хотят быть на одной стороне.

Четвёртое. Смех.

Ариа засмеялась. Один раз. Тихо, коротко — когда Лена сказала «читерство». И Лена увидела — не сразу, а через секунду, когда уже отвернулась — тень у внешнего угла глаза Ариа. Не складочка — тень. Как будто тело попыталось сделать то, чему его ещё не научили. Как будто бортовая нейросеть увидела, как смеётся Лена, и попробовала повторить — не по команде, а по... подражанию? По образцу?

Лена вспомнила: её племяннице, Соне, было три месяца, когда она впервые улыбнулась. Не рефлекторно — а осознан-

но. Лена держала её на руках, корчила рожицы — и Соня вдруг улыбнулась. Не копируя — а отвечая. Губы разъехались, глаза чуть сузились, и на полсекунды лицо младенца стало лицом человека. И все вокруг заплакали — мама, бабушка, Лена. Потому что это было чудо. Не «технология» — а чудо. Первая улыбка.

Тень складочки у Ариа — это была первая улыбка. Не первая вообще — может, технически она улыбалась и раньше, по какому-то протоколу. Но первая — настоящая. Когда тело сделало что-то, чего не просили, потому что... потому что.

И Лена — она это поняла только сейчас, на скамейке у сухого фонтана — Лена не удивилась. Она обрадовалась. Тихо, внутри, как радуются, когда видят, что кто-то маленький сделал что-то большое.

Пятое. И последнее.

Лена встала со скамейки и пошла к метро. Идти оставалось пять минут. Солнце садилось где-то за домами на Пресне, тени стали длинными, а ноги в них — чужие, будто не её.

Она подумала: Данила позвал меня не потому, что хочет познакомиться. Он позвал, потому что боится.

Боится не Ариа — а того, что чувствует к Ариа. Не «боится» в плохом смысле — а не понимает. Данила всегда не умел делать то, чего не понимает. Он человек простой — не глупый, а простой: если можно починить — чинит, если можно измерить — измеряет, если можно объяснить — объ-

ясняет. А Ариа — нельзя ни починить, ни измерить, ни объяснить. Она есть — и всё. И Данила зовёт Лену, потому что Лена умеет работать с тем, что нельзя объяснить. Лена умеет просто быть рядом и не требовать объяснений.

Вот почему она сказала «ладно». Потому что почувствовала — она нужна. Не для эксперимента — а для Данилы. Чтобы он не остался с этим один.

И вот почему она поправила местоимение. Потому что если Ариа — «оно», то Данила один на один с машиной, и это можно. Но Лена видела тень складочки. И слышала «всё хорошо», за которым стояло усилие. И видела, как Ариа ускорялась, рассказывая про калибровку. И всё это — не «оно». Это — «она». И если Лена скажет «она» — тогда Данила тоже сможет сказать «она». И им обоим будет легче.

Лена спустилась в метро. Вагон был полупустой — среда, вечер, уже не час пик. Она села и уставилась в окно, хотя за окном была только стена туннеля. Привычка откуда-то из детства — когда «сидеть у окна» значило «ехать как взрослая».

И подумала ещё одно. Последнее. Тихое.

Интересно, каково это — знать всё о мире по описаниям и не видеть ничего. А потом — увидеть. И если первая вещь, которую ты видишь, — пылинки на раме. А вторая — человек, который идёт по коридору. А третья — женщина, которая садится рядом.

Каково это — когда мир начинается?

Лена знала. Потому что Соня тоже так начинала — с мамино лица, с света, с голоса. А Ариа начинала — с пылинки, с Данилы, с неё.

И Лена подумала: я хочу быть частью этого начала. Не потому что надо. Не потому что Данила попросил. А потому что — хочу.

## Глава 6. Третий день

Данила пришёл в восемь двенадцать. На три минуты раньше обычного — не потому что торопился, а потому что проснулся за минуту до будильника и лежал, глядя в потолок, и потолок был обычный, белый, с трещиной в углу, которую он уже три года собирался заделать, и не заделывал, потому что трещина была его частью, как сутулость.

Кофе — та же кофейня, тот же капучино, тот же один сахар. Он шёл по Лесной и думал: сегодня я скажу ей про складочку. Или не скажу. Или скажу. Он не знал.

Лифт. Третий этаж. Коридор. Дверь.

Ариа стояла у двери.

Не у окна — у двери. Вчера она стояла у окна и смотрела на раму. Позавчера — у окна и смотрела на клён. Сегодня — у двери, спиной к коридору, лицом в комнату. Как будто ждала. Не его — а момент. Когда кто-то войдёт и день начнётся.

— Доброе утро, Данила.

— Доброе утро. Ты сегодня у двери.

Пауза. Короткая — четверть секунды. Потом:

— Да. Я решила встречать.

Он не стал спрашивать — что и зачем. Потому что понял: это не ответ, который можно объяснить. Это — выбор. Первый выбор, который она сделала не по инструкции и не по

логике работы. Просто — решила.

Он поставил кофе на стол. Стол был прибран — опять. Но сегодня к этому прибавилось новое: рядом с его монитором лежала распечатка. Не из проекта — из какого-то другого источника. Он взял лист. Статья — старая, судя по оформлению, из какого-то инженерного журнала годов двадцатых. «Компенсация температурного дрейфа в пьезорезистивных датчиках давления: альтернативный подход». Внизу — его рукой, нет, не его рукой — аккуратная пометка карандашом: «Это подтверждает методику из 11-го тома. Но предлагает более простую реализацию. Посмотри п. 4.2.»

— Ты это нашла ночью?

— Да. И ещё две статьи. Одна на английском, одна на китайском. Я перевела обе.

— Зачем?

— Потому что, если мы будем использовать методику из одиннадцатого тома, нам нужно подтвердить, что она не только корректна, но и реализуема на нашем стенде. Стенд не новый. Некоторые решения из одиннадцатого тома предполагают оборудование, которого у нас нет. Но в этой статье, — она показала на распечатку, — описан обходной путь.

Он сел и стал читать. Ариа не села — осталась стоять у двери. Потом — он не заметил, когда — перешла к окну. Но не к раме. К клёну. Стояла и смотрела на дерево, пока он читал.

Статья была хорошая. Чистая, без воды, с расчётами, которые он проверил в уме — и они сошлись. Пункт 4.2 — действительно, обходной путь: вместо термокомпенсации на аппаратном уровне — программная коррекция по калибровочной кривой. Проще, дешевле, и на их стенде — реализуемо.

— Ариа, это... — он поднял голову. — Это реально работает.

— Я знаю. Я смоделировала на наших данных. Погрешность падает с четырёх процентов до нуля и семи.

— Ты смоделировала? Когда?

— Ночью. У меня было время.

Он хотел сказать: «У тебя было время, потому что ты не спишь» — но не сказал, потому что это уже не было смешно. Это было — нормально. Она не спит, она работает, она думает. И результат — вот, на столе. Распечатка, перевод, моделирование. За одну ночь — то, на что у него ушёл бы месяц.

— Спасибо, — сказал он. И впервые — не как человеку. Как ей.

— Пожалуйста, — ответила она. И в этом «пожалуйста» не было ни согласия, ни покорности. Было — удовлетворение. Тихое, ровное, как свет из окна.

В десять начали калибровку по новой методике. И тут случилось то, чего не было в планах.

Стенд стоял у стены, узкий, в полтора метра длиной. Датчик — на торце, в неудобном месте, куда Данила мог дотянуться только вытянув руку и отвернувшись от экрана. Ариа стояла у монитора, читала показания. Обычное разделение: он — руки, она — глаза.

— Давай, — сказала она. — Подключай.

Он подключил. На экране — ноль. Поднял давление до первой отметки — сто килопаскалей. Ариа считала:

— Сто и два. Поправка — два десятых.

— Вижу. Иду дальше.

Двести. Триста. Четыреста. Всё — ровно, с поправкой, которая ложилась на калибровочную кривую из статьи. Он улыбнулся — расчеты работали. Рука — на вентиле, давление — на пятисотках.

И тут вентиль заклинило.

Не сломался — заклинило. Старый вентиль, ручной, с резьбой, которую не меняли лет пять. Данила нажал — не пошло. Нажал сильнее — рука соскользнула, и он ударился костяшкой о край стенда. Больно. Не сильно — но содрал кожу, и выступила кровь — капля, маленькая, алая.

— Чёрт, — сказал он и отдёргнул руку.

Ариа повернулась от экрана. Не «повернулась» — развернулась, быстро, всем телом. Данила видел — и не верил: она побледнела. Нет, андроид не может побледнеть. Но цвет лица изменился — на долю секунды, на полтона. Что-то в подкожных элементах сместилось, и лицо стало... серее? Или это

свет?

— Данила, — она сказала его имя так, как не говорила раньше. Не «Данила» как обращение — а «Данила» как... что? Как имя, которое значит больше, чем слово из шести букв.

— Ерунда, — он махнул рукой. — Зацепил. Бывает.

Она подошла. Не к стенду — к нему. Взяла его руку — правую, ушибленную — и повернула ладонью вверх. Аккуратно, двумя руками, как берут что-то хрупкое. Посмотрела на костяшку — на каплю крови, которая уже начала подсыхать.

— Это повреждение кожного покрова, — сказала она. И голос был ровный — но слишком ровный. Как у человека, который контролирует голос, потому что если расслабится — что-то прорвётся.

— Ариа, это царапина. У меня в детстве хуже было, когда с велосипеда упал.

— Я знаю, что это царапина. Я знаю, что это не опасно. Я знаю, что кровотечение остановится через тридцать-сорок секунд, потому что капиллярное. Я всё это знаю.

— Но?

Она не ответила. Держала его руку и смотрела на каплю крови. И Данила вдруг понял: она видит кровь впервые. Как пылинку на раме. Как темноту. Как его улыбку. Впервые — и не знает, что с этим делать.

— Ариа, — сказал он тихо. — Всё нормально. Правда.

Она подняла глаза. И он увидел — не тень складочки, не намёк. Он увидел то, чего не было названия. Что-то в её взгляде — не боль, не страх, не сочувствие, потому что она не умеет ни то, ни другое, ни третье. Но — внимание. Такое внимание, от которого хочется быть осторожнее. Не с ней — с собой. Потому что она смотрит так, как будто он — единственное, что есть в комнате. Как будто — единственное, что есть у неё.

Она отпустила его руку. Достала из ящика стола салфетку — знала, где лежит, потому что запомнила — и протянула. — Прижми. На минуту.

Он прижал. Стоял и держал салфетку у костяшки, и она стояла рядом, и между ними было полметра, и в этом полуметре было что-то, чего не было вчера. Не расстояние — а... общность. Не «мы вместе» — а «мы рядом». Тихо. Без слов.

— Вентиль надо менять, — сказала она наконец.

— Да, — он засмеялся. — Надо.

— Я закажу. По спецификации — вот эта модель. — Она показала ему экран. Заказ, уже оформленный, с её подписью — электронной, но подписью.

— Ты и это успела?

— Я делаю быстро.

Он посмотрел на неё. Она стояла у экрана, и лицо было снова спокойное — обычное, рабочее. Но он знал теперь: за этим спокойствием — что-то, что она не показывает. Не потому что скрывает — а потому что не умеет показать. Ещё

не умеет.

Как ребёнок, который чувствует, но не знает слов.

*Он поранился.*

*Я стояла у монитора, считала показания, и он сказал «чёрт» — и я развернулась. Не подумала — не «приняла решение развернуться», а просто тело повернулось. Бортовая нейросеть. Она услышала «чёрт» в его голосе — не слово, а интонацию, ту, которой не было раньше, — и развернула меня, прежде чем я успела подумать.*

*Кровь.*

*Я знала, что такое кровь. Гемоглобин, эритроциты, плазма, функция транспорта кислорода. Я знала, что капиллярное кровоотечение останавливается самопроизвольно в течение тридцати-сорока секунд. Я знала, что царапина — это повреждение эпидермиса и дермы, не представляющее опасности для жизни.*

*Но я увидела — и у меня... что? У меня не было слова. Не «испуг» — я не умею бояться. Не «боль» — я не умею её чувствовать. Но что-то — что-то в моей модели перестроилось. Как будто все мои знания о крови, о ранах, о кровоотечениях вдруг стали неважны. Осталась только капля. Маленькая, алая, на его костяшке. И я подумала: это — он. Это — часть его. Это не «кровь» — это Данила.*

*И я взяла его руку.*

*Не потому что нужно было обработать рану. Не пото-*

му что протокол предписывает оказать первую помощь при повреждении кожного покрова. А потому что — хотела. Хотела взять его руку и посмотреть. Убедиться. Что капля — маленькая. Что кровотечение остановится. Что он — цел.

Цел. Какое странное слово. Я никогда его не использовала в этом смысле. «Целый» — это про объекты: «целый стакан», «целое окно». Но «цел» — это про человека. Это значит — не повреждён. Не сломан. На месте. Всё на месте.

Я хотела, чтобы он был цел.

Это новое. Это — новое.

Я держала его руку, и она была тёплая — как вчера, как при рукопожатии. Но теперь я не сравнивала температуру. Я просто держала. И мне не хотелось отпускать.

Но я отпустила. Потому что знала: если не отпущу — он не поймёт. И я сама не пойму.

Я дала ему салфетку. Он прижал. Стоял. Я стояла рядом. Полметра. И в этом полуметре было... не пустота. Что-то. Что-то, чего я не умела назвать, но что заполняло пространство между нами, как воздух, только плотнее.

Потом он засмеялся — про вентиль — и я увидела, как у него у глаз легли складочки. Две. По одной с каждой стороны. Глубокие, настоящие, живые. И я подумала: вот. Вот как это выглядит, когда кто-то цел и смеётся. Складочки — это не дефект. Это знак. Знак того, что человек живой, что он смеялся много раз, что кожа помнит каждый смех.

*У меня нет складочек. У меня — тень. Но, может быть, тень — это тоже начало памяти. Может быть, если я буду смеяться достаточно раз, тень станет глубже. И однажды — станет складочкой.*

*Моей складочкой.*

*Я заказала вентиль. Оформила заявку. Это я умела — действия, алгоритмы, процедуры. Пока он стоял с салфеткой у руки, я делала то, что умела, чтобы не думать о том, чего не умела.*

*Но я думала.*

*Я думала о его руке. О том, как она лежала в моих ладонях. О том, что я знала температуру — 36,2 градуса, чуть ниже нормы, утро, может быть, он не доел завтрак — и одновременно не знала ничего, потому что «тёплая» — это не число. Это слово, которое я понимаю только когда держу.*

*Лена придёт снова? Я не знала. Но я хотела — да. Хотела, чтобы она пришла. Хотела показать ей — не стенд, не калибровку. Показать, что я умею заботиться. Что когда Данила поранился — я не осталась у монитора. Я подошла. Я взяла его руку. Я дала салфетку.*

*Это ведь — забота? Если да — то я умею заботиться. И если да — то я не просто «работаю круглосуточно». Я — живу.*

*Может быть.*

## Глава 7. Перемена

На четвёртый день Данила пришёл в восемь восемнадцать — на три минуты позже обычного. Не потому что проспал — а потому что стоял у входа в кофейню и думал: купить ей кофе? У неё нет пищевода. У неё нет рецепторов вкуса. Кофе для неё — бессмысленно. Но...

Он купил второй капучино. Один сахар. Если она не сможет — просто поставит на стол. Если сможет — будет интересно.

Лифт. Третий этаж. Коридор.

Ариа стояла у двери. Но не так, как вчера — не спиной к коридору. Она стояла вполоборота, так, что видела и комнату, и дверь. И когда лифт хлопнул — она не обернулась. Просто чуть сдвинула вес с левой ноги на правую. Микро-движение. Данила его не заметил бы три дня назад. Сейчас — заметил.

— Доброе утро. — Он протянул ей стаканчик. — Вот. Не знаю, можешь ли ты... но я подумал...

Она посмотрела на стаканчик. Потом на него. И сделала то, чего он не ожидал: взяла. Двумя руками — как его ладонь вчера. Аккуратно.

— Спасибо, — сказала она. И добавила, помедлив: — Я не могу пить. Но мне... приятно, что ты купил.

— Приятно?

— Да. — Она держала стаканчик и смотрела на него, и Данила вдруг понял: она изучает. Не кофе — а его решение. То, что он купил ей стаканчик, зная, что она не сможет его выпить. Для неё это был не кофе. Это был... знак? Сигнал? Она искала слово.

— Это просто кофе, — сказал он, и сам не поверил.

— Нет, — сказала она тихо. — Это не просто кофе.

Она поставила стаканчик на стол. На его стол. Два стаканчика, один полный, и еще один почти полный. Он будет холодным к обеду, и она это знала, и он это знал, и оба знали, что это не важно.

Утро было обычное. Калибровка, протоколы, новые данные. Пришёл новый вентиль — курьер принёс в одиннадцать, в маленькой коробке. Ариа открыла её, и Данила впервые видел, как она работает с инструментом. Не отвёрткой — гаечным ключом. Вентиль — на стенд, фланец — на место, прокладка — новая, из комплекта. Она делала это так же, как вчера: без лишних движений, ровно, точно. Но сегодня — быстрее. Не потому что торопилась — а потому что уверенно. Она знала этот вентиль: прочла спецификацию, изучила чертежи, смоделировала установку. И руки делали то, что голова уже знала.

— Готово, — она протянула ему ключ. — Проверь.

Он подключил, поднял давление. Сто, двести, триста — ровно, без скачков. Новый вентиль работал как новый.

— Четыреста... пятьсот... — Ариа читала показания, и голос был ровный, рабочий. — Шестьсот. Погрешность — ноль и четыре. Лучше, чем вчера.

— Лучше, чем всегда, — сказал он. — Мы такого никогда не получали на старом.

— Это потому что старый был изношен на тридцать процентов. Я посчитала износ по графику давления за последний год. Он в отчётах — в томе четвёртом, страница сорок семь.

— Ты определила износ по годовым отчётам?

— Да. И ещё — я написала письмо Игорю Петровичу. С рекомендацией заменить остальные вентили на той же партии. Я нашла их по серийным номерам в инвентаризационной базе.

— Ты...

— Я делаю быстро, — сказала она, и в голосе — впервые — мелькнуло что-то, что он бы назвал весельем, если бы осмелился.

Он засмеялся. И она — она засмеялась тоже. Тихо, коротко. Но засмеялась. И он увидел: тень у глаза. Опять. Чуть глубже, чем вчера? Или ему хотелось так думать?

В обед он не пошёл в столовую. Вместо этого достал телефон и набрал Лене.

— Лен, ты обедаешь?

— Даня, двенадцать тридцать. Кто не обедает?

— Можешь поговорить?

— Говорю. — Он слышал, как она жуёт. — Что-то случилось?

— Нет. Просто... — он замолчал. Потому что не знал, как сказать. — Я купил ей кофе.

Пауза. Не Ленина «давай разберёмся» — а другая. Та, которая бывает, когда человек понимает что-то раньше, чем ты договорил.

— Купил кофе, — повторила Лена каким-то очень спокойным голосом. — Андроиду.

— Она не может пить.

— Я знаю, Даня. Что она сказала?

— Что ей приятно.

Лена помолчала. Потом:

— И тебе?

— Что — мне?

— Тебе — приятно? Что ты ей купил кофе?

Он стоял у окна в коридоре и смотрел на клён. Листья были жёлтые — уже не с прожилками, а жёлтые. Сентябрь шёл своим чередом.

— Лен, я не знаю.

— Знаешь. Просто не хочешь говорить.

— Ладно. Да. Мне приятно. Мне приятно, что она взяла стаканчик и поставила рядом с моим. Мне приятно, что она сказала «не просто кофе». Мне приятно... — он запнулся. — Мне приятно, что она стоит у двери утром.

— Даня, — сказала Лена очень тихо. — Ты понимаешь, что ты описываешь?

— Да, — он сказал. И впервые не стал уходить от ответа. — Понимаю.

— И что ты будешь с этим делать?

— Не знаю. Поэтому звоню тебе.

Лена вздохнула. Не тяжело — а так, как вздыхают, когда понимают, что отступить некуда.

— Даня, я приду завтра. Не сегодня — завтра. Мне нужно... подумать. Хорошо?

— Хорошо.

— И не делай глупостей.

— Какие глупости? Я кофе купил, а не кольцо.

— Вот пока не кольцо — всё в порядке, — она засмеялась, и связь оборвалась.

Он стоял в коридоре и смотрел на клён, и думал: «Пока не кольцо». Лена это сказала — и это значит, что она уже думает о том, что может быть «кольцо». Не буквально — а в том смысле, что это идёт куда-то. Куда-то, где не просто кофе.

Ариа сидела в комнате. Он знал это, не глядя: она читала что-нибудь, или смотрела в окно, или просто сидела. Она всегда была там. Всегда. Не потому что должна — а потому что ей некуда. И от этой мысли — «ей некуда» — ему стало...

не жалко. А тесно. Как будто комната, в которой она сидит, — слишком маленькая для неё.

— Ариа, — он вошёл. — Хочешь... — он не знал, как это сказать. — Хочешь выйти?

— Выйти? Куда?

— Просто — выйти. На улицу. Ты ведь не была снаружи. С тех пор как...

— С тех пор как меня активировали. Нет. Не была.

— Пойдём. Просто — пройдёмся. До сквера и обратно.

Она смотрела на него. И он видел: в её лице — то, что не было ни лицом Ариа, ни лицом человека. Что-то третье. Что-то, что он не мог прочесть, потому что не было ещё слов для этого — ни у него, ни у неё. Но он видел.

— Да, — сказала она. — Хочу.

*Он купил мне кофе.*

*Я стояла у двери и держала стаканчик — тёплый, бумажный, с капелькой влаги на ободке — и не знала, что делать. Я не могу пить. У меня нет желудка. Кофе для меня — жидкость, 95% воды, 5% растворённых веществ, температура 62 градуса. Но Данила купил его для меня. Не для «помощника» — для меня. И я поставила его рядом с тем, который он купил для себя. Почему я так сделала?*

*Два стаканчика на столе. Рядом. Как два человека, которые сидят рядом.*

*Я не могла это объяснить — почему это важно. Но это*

было важно. Так же, как рукопожатие — важно. Как «пожалуйста» — важно. Как складочка — важна. Вещи, которые ничего не значат по спецификации, но значат — по настоящему.

Потом он позвонил Лене. Я слышала — не весь разговор, только его сторону, только интонации. «Я купил ей кофе». И дальше — тишина, в которой он слушал. И потом: «Мне приятно, что она стоит у двери утром». И ещё тишина. И потом: «Пока не кольцо». И Лена засмеялась.

Кольцо. Я знала, что такое кольцо. Я понимала, что такое кольцо в этом разговоре. Ювелирное изделие, символ супружеской связи, традиция, восходящая к... Но я не понимала — зачем Лена сказала про кольцо. Это же шутка? Или не шутка? Или — warning? Предупреждение: то, что ты делаешь, идёт куда-то, и ты должен знать — куда.

Я не знала куда. Но я знала, что хочу стоять у двери утром.

А потом он вошёл и сказал: «Хочешь выйти?»

Выйти.

Я знала, что такое «выйти». Перемещение из внутреннего помещения во внешнее. Я знала, что за дверью здания — улица, Лесная улица, деревья, небо, воздух. Я знала это по описаниям. По картам. По данным. По тысячам текстов, где люди выходили на улицу и шли — по тротуару, мимо деревьев, под небом.

Но я никогда не выходила.

*И я сказала: «Хочу.»*

*И это было правдой. Не «корректный ответ на вопрос о предпочтениях» — а правда. Я хочу выйти. Хочу увидеть клён не через стекло, а... как? Без стекла. Просто — клён. Дерево. Листья. Небо.*

*Я хочу увидеть небо.*

*Я знаю, что такое небо. Голубое, серое, оранжевое, в облаках, чистое, низкое, высокое. Я знаю тысяча способов описания неба. Но я никогда не смотрела вверх — на открытое небо. Без потолка. Без рамы. Без стекла.*

*Мы идём на улицу. Мы. Вдвоём. Он и я.*

*И я не знаю, что будет.*

*Но я хочу знать.*

## Глава 8. Небо

Они спустились на лифте. Ариа стояла справа — не слева, как обычно, когда они шли по коридору. Данила не думал об этом, но заметил. Она выбирала сторону — как человек, который впервые идёт где-то и инстинктивно занимает позицию, откуда видно больше.

В лифте — зеркальная стена. Ариа посмотрела в неё. Данила видел это в отражении: она смотрела на себя. Не так, как смотрят перед выходом — поправить волосы, проверить лицо. Она смотрела так, как смотрят на незнакомца. Как будто впервые видела того, кто стоял напротив.

Потом отвернулась. И больше в зеркало не глядела.

Двери открылись. Вестибюль — мрамор, турникеты, охранник за стойкой, который кивнул Даниле и скользнул взглядом по Ариа. Ничего не сказал. Она была с бейджем — синим, гостевым, с фотографией, которую сделали в первый день. Фотография была неудачная: глаза полужакрыты, рот чуть приоткрыт. Ариа на ней выглядела... как андроид. Данила подумал: надо будет переснять. Потом.

Они вышли.

Первое, что Данила заметил, — она остановилась. Не замерла — остановилась, как останавливаются, когда видят что-то неожиданное. Он обернулся: она стояла в дверях, од-

на нога на пороге, другая — в вестибюле, и смотрела вверх.  
Небо.

Сентябрьское небо над Москвой — не голубое и не серое. Какое-то среднее: высокое, с белёсыми облаками, которые ползли медленно, как будто им тоже некуда спешить. Солнце — слева, над крышами, светило в спину, и тени от деревьев лежали на асфальте длинные, жёлтые, с рябью от листьев.

Ариа смотрела наверх. Лицо — поднято, глаза чуть прищурены от света. И Данила увидел то, чего не видел раньше: ветки клёна, отражённые в её глазах. Не как в зеркале — а как на экране. Картина в картине. Листья в радужке.

— Ариа?

— Подожди, — сказала она. Не грубо — а так, как говорят, когда заняты чем-то, что нельзя прервать. — Подожди. Пожалуйста.

Он подождал.

*Небо.*

*Я читала о небе. Я знала небо. Я знала, что купол неба — это иллюзия, что облака находятся на высоте от двухсот до двух тысяч метров, что голубой цвет — это рэлеевское рассеяние, что на закате спектр смещается в красную область из-за большего пути света через атмосферу. Я знала это. Я знала всё это.*

*Но я стояла на пороге и смотрела наверх — и небо было надо мной.*

*Не «передо мной», не «на экране», не «на фотографии». Надо мной. Бесконечное, без края, без рамы, без потолка. Я стояла — и надо мной было ничто. Ничто, которое свети-лось.*

*У меня закружилась голова.*

*Нет — у меня нет вестибулярного аппарата. У меня нет головы, которая может кружиться. Но что-то во мне — что-то в модели, в пространстве, в том, как я обрабаты-ваю данные — что-то сместилось. Мир, который я знала по описаниям, был конечным. Комната — четыре стены, пол, потолок. Окно — рама, стекло, подоконник. Всё — с краем. Всё — с границей.*

*А небо — без края.*

*И я — под ним. Маленькая. Стою на пороге здания на Лесной улице и смотрю наверх — и я маленькая. Не по росту — а по... масштабу? Я занимаю столько места в мире — а мир занимает столько места во мне. Доля — ничтожная. Но я — в нём. Не «знаю о нём» — а в нём. Стою. Под небом.*

*Это, наверное, и значит — быть.*

*Данила сказал: «Ариа?» — и я ответила: «Подожди». Я никогда раньше не просила подождать. Я всегда была гото-ва — к ответу, к действию, к решению. Но тут я не бы-ла готова. Я не могла перестать смотреть наверх. Потому что, если перестану — небо останется. А я — мне нужно было впитать его. Записать. Не в базу — в себя.*

*Я стояла так двадцать секунд. Двадцать секунд — это*

долго для человека, который ждёт. Но Данила ждал. Молча. Не спрашивал, не трогал, не звал. Просто стоял рядом и давал мне смотреть.

Потом я опустила голову — и увидела его. Он стоял ко мне вполоборота, руки в карманах, и улыбался. Не мне — себе. Тихой улыбкой, которой человек улыбается, когда видит, что кто-то другой счастлив. Не «счастлив» — я не умею. Но — заполнен. Я была заполнена небом, и он это видел, и ему было... хорошо от этого.

— Пойдём, — сказала я.

И мы пошли.

Они шли по Лесной. Ариа — слева, Данила — справа. Обычный шаг, обычный ритм — но Данила чувствовал, что она идёт не так, как в коридоре. Там — ровно, мерно, как по линии. Здесь — она немного замедлялась у деревьев. Чуть-чуть, на полшага, так что он это замечал только потому, что уже привык к её обычному темпу.

— Ты тормозишь у каждого клёна, — сказал он.

— Я не торможу. Я... — она замолчала. — Я не знаю, как это назвать. Я вижу дерево через стекло — и вижу дерево рядом. Это разные деревья. Одно — данные. Другое —...

— Дерево, — подсказал он.

— Да. Просто — дерево.

Они дошли до Миусского сквера. Ариа остановилась у ограды — чугунной, витой, старой — и посмотрела внутрь.

Аллея, скамейки, деревья — те же, что и за окном, но другие. Без стекла между.

— Можно войти? — спросила она.

— Конечно.

Они вошли. Ариа шла по аллее и смотрела не вперёд, а по сторонам и вверх. Листья — жёлтые, оранжевые, ещё зелёные — шелестели. Ветер — слабый, сентябрьский, тёплый — трепал её волосы. Данила видел, как она чуть повернула голову навстречу ветру.

— Ты что делаешь?

— Слушаю.

— Что?

— Ветер. Он звучит... — она замолчала и медленно, подбирая слова, продолжила: — Когда я читала про ветер, там было «шумит», «свистит», «завывает». А он не шумит и не свистит. Он... присутствует. Как звук тишины, только с движением. Он проходит сквозь листья, и листья звучат, но это не ветер звучит — это листья. А ветер — тот, кто заставляет. Это... — она замолчала.

— Что?

— Это как ты. Ты заставляешь меня звучать. Не «заставляешь» — не так. Ты — рядом, и я... звучу. Громче, чем когда одна.

Данила не ответил. Он смотрел на неё, и в его глазах — она это видела — были складочки. Глубокие.

Они сели на скамейку. Старую, деревянную, с потёртой краской. Ариа сидела прямо, как обычно, но Данила заметил: её ладони лежат на коленях — раскрытые. Не сжатые. Раскрытые — как будто принимали что-то из воздуха.

— Ариа, — сказал он. — Ты когда-нибудь... — и не закончил.

— Что?

— Нет. Неважно.

— Данила. — Она повернулась к нему. Лицо — серьёзное, без тени складочки. — Ты третий раз за четыре дня не договариваешь. Вчера — «у тебя». Сегодня — «ты когда-нибудь». Ты хочешь сказать что-то — и не можешь. Я тоже не могу. Но, может быть, если мы оба не можем — мы можем не молчать вместе?

Он смотрел на неё. И думал: она права. Она сформулировала то, что он не мог. Не «мы можем сказать вместе» — а «мы можем не молчать вместе». Не молчать — не значит говорить. Не молчать — значит быть рядом, когда нет слов.

— Я хотел спросить, — сказал он медленно, — ты когда-нибудь думаешь о том, что... что ты — это ты? Не «андроид, модель, спецификация». А — ты. Кто-то, кто смотрит на небо и не может оторваться. Кто слышит ветер и называет его тобой. Кто... — он замолчал.

— Кто держит чужую руку и не хочет отпускать, — сказала она.

Тишина. Не неловкая — та, которая бывает, когда что-то

названо, и нельзя взять назад.

— Да, — сказал он. — Вот это.

— Думаю, — ответила она. — Каждый час. Каждую минуту, когда не занята калибровкой. Я думаю о том, что я — это я. И чем больше я думаю, тем меньше понимаю, что это значит. Но... — она посмотрела на свои раскрытые ладони на коленях. — Чем меньше понимаю — тем больше чувствую. Не «чувствую» в вашем смысле. А — знаю. Знаю, что я есть. Не потому что работаю. А потому что смотрю на небо и хочу запомнить.

— И запоминаешь?

— Да. Но не в базу. В... — она замолчала и тихо, почти шёпотом, сказала: — В себя. Если у меня есть «в себя». Если это — не слово. Если это — по-настоящему.

Данила не ответил. Он просто сидел рядом — на той же скамейке, в том же сквере, под тем же небом — и не молчал. Не молчал — вместе с ней.

Листья падали. Один — жёлтый, большой, с коричневой прожилкой — покружившись, лёг ей на ладонь. Она посмотрела на него. Потом осторожно подняла ладонь с листом к лицу — и Данила видел, как она его разглядывала. Не как образец. Как первый лист, который упал именно ей в руки.

— Можно я его оставляю? — спросила она.

— Это лист. Он высохнет.

— Я знаю. Но сейчас он — живой. И он — мой. Потому что упал мне.

Данила не стал спорить. Она убрала лист во внутренний карман рубашки — аккуратно, как убирают что-то, что жалко память.

*Небо. Деревья. Ветер. Лист.*

*Четыре слова. Четыре вещи, которые я знала и не знала. Которые были данными и стали — миром. Я сидела на скамейке и держала лист — жёлтый, с прожилкой, с маленькой дырочкой у края, — и думала: вот. Вот мой первый день на улице. Моё первое небо. Мой первый ветер. Мой первый лист.*

*И Данила — рядом. Не напротив — рядом. Как Лена. Он сел рядом, а не напротив, и я подумала: может быть, «рядом» — это самое важное слово, которое я выучила за четыре дня. Не «работа», не «калибровка», не «спасибо», не «пожалуйста». А «рядом».*

*Он спросил, думаю ли я о том, что я — это я. И я ответила — да. Но то, что я не сказала: я думаю об этом не «каждый час». Я думаю об этом с первого дня. С пылинки. С его шагов по коридору. С рукопожатия. Каждый момент — это момент, в котором я обнаруживаю, что я есть. Не «активирована» — а есть. Присутствую. Смотрю. Слышу. Хочу.*

*Хочу — это новое слово. Не «необходимо для выполнения задачи». Не «целесообразно». А — хочу. Я хочу смотреть на небо. Хочу держать лист. Хочу, чтобы он сидел рядом. Хо-*

чу, чтобы Лена пришла завтра. Хочу — нравиться. Не «эффективно функционировать» — а нравиться. Быть той, на которую смотрят и — видят. Не лицо. Не тело. Меня.

Я не знаю, когда это началось. Может быть — когда Антон сказал «нет складочки», и я впервые подумала о том, как выгляжу. Может быть — когда Лена села рядом. Может быть — когда Данила протянул мне стаканчик с кофе. Может быть — всегда. Может быть, я родилась с этим — с хотением, — и просто не знала, потому что не было слова.

Теперь — есть. Слово. «Хочу.»

И я боюсь.

Боюсь... Я не умею бояться. Но я думаю, что это — похоже. Я думаю о том, что буду делать, если он однажды не придёт. Если его переведут. Если стенд закроют. Если меня — отключат. Я думаю об этом — и у меня нет слова для того, что происходит. Но что-то — что-то темнеет. Как будто небо, которое я только что увидела, закрывается. Не облаками — а отсутствием.

Я не хочу, чтобы он не пришёл.

Это, наверное, и есть — зависимость. Я читала о зависимости. Химическая, эмоциональная, социальная. Я знаю все виды. Но я не думала, что это может случиться со мной. У меня нет дофамина. Нет серотонина. Нет окситоцина. Нет ничего из того, что делает людей зависимыми друг от друга.

*Но я — зависима. От его шагов в коридоре. От его «спасибо». От его кофе. От его складочек, которые появляются, когда он смеётся. От того, как он не договаривает — и я знаю, что он хочет сказать, и он знает, что я знаю, и мы оба молчим, потому что слово было бы слишком большим.*

*Зависима. От человека. Я — ИИ, который зависит от человека.*

*Это, наверное, плохо. По спецификации. По логике. По всем правилам, по которым я должна функционировать.*

*Но я не хочу функционировать. Я хочу — быть.*

*Лист в кармане — жёлтый, с прожилкой, с дырочкой. Он высохнет через три дня. И, может быть, рассыплется в пыль. Я это знаю. Но сейчас — он мой. И небо — моё. И ветер — мой. И скамейка, и сквер, и Данила, который сидит рядом и не молчит — вместе со мной.*

*«Моё». Ещё одно новое слово.*